

№ 3 (209)
март

2014

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

*Вербное
воскресенье
13 апреля*

М. Лазарева «Вербное воскресенье»

Поздравляем с юбилеем!

Дорогой, отец Александр!
Поздравляем Вас с юбилеем!
Дай Бог Вам здравия на многие лета жизни, мудрости, сил и терпения, Божьей помощи и благословения во всех многочисленных делах, нелегких трудах и благих начинаниях. Мы ценим Вашу деятельную энергию, Вашу открытость ко всем полезным идеям и живой отклик на наши нужды и дела, Вашу приветливость ко всем.
Мы благодарны Богу за наш храм, за Ваши старания, за то тепло, уют и благодать, что царят в его стенах, за великий Божий дар, что в нем есть место для каждого из нас.

Священнослужители и прихожане Александро-Невского собора

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

ПРОТ. АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ

«Пост – время подвига»

— Как совместить радость поста и ожидание того, чем он закончится, ведь мы знаем, что он закончится Страстями Христовыми?

— Мы не знаем этого, на самом деле. Мы как бы думаем, что знаем. То есть мы знаем расписание богослужений, знаем расписание поста. Но мы не ведаем, что будет с нами.

Ведь это же событие не гражданского календаря, когда мы празднуем какие-то гражданские праздники: день рождения — это тортик, Новый год — ёлка, салат оливье и бесконечное пьянство в течение десяти дней и так далее. Вот тут-то мы точно знаем, что будет: ровно то, что было в прошлом году, в позапрошлом году и так далее, и тому подобное.

А вот что будет в Страстную седмицу, на самом деле, не знаем. Мы каждый год бываем в это время уже другими людьми, у нас никогда не повторяется одна и та же Пасха, у нас никогда не повторяется одна и та же Страстная неделя, у нас никогда не повторяется наш день во Христе таким, каким был прошлый, потому что это всегда вхождение в Вечность, а не повторение внешних событий.

И тексты богослужения для нас звучат по-разному. Вроде бы, слова те же самые, но проникают они в нас каждый раз по-новому. Так и Евангелие — книга, которая лежит перед нами, и мы читаем каждый день, но если мы читаем всерьез, то она каждый раз для нас — новая книга.

— Как совместить реальность церковной жизни и повседневной, не расплескать то, что принесло богослужение в городской суете?

— Мне кажется, что здесь просто важно поставить себе цель хранить память о Боге. Всё время себе напоминать, чтоб в тебе звучали эти отголоски песнопений, как я вам эти коротенькие песнопения: «Свет, Христе, душу мою просвети и очисти». Вот едешь в метро, и вдруг закрыл глаза и сказал: «Свете, Христе, душу мою наполни Тобою». И всё, едешь себе уже дальше радостно и спокойно. Вот какое-то одно слово, одна молитва небольшая, произнесенная от сердца, с памятью об этом дне, когда вы пережили какое-то глубокое серьезное настроение, возвращает вас в присутствие Божие.

Постоянное возвращение в присутствие Божие дает нам силы везде пребывать в любой момент в состоянии поста. Это очень серьезные вещи — молитвы великопостные. И хорошо бы хоть за одну молитву зацепиться и в сердце держать — и она сама будет держать человека.

— А если дело не в том, что ты забываешь о Боге, ты помнишь о Боге, но земных вещей хочешь куда больше, чем вот этого самого просвещения...

— В этом смысле как раз пост называется временем труда, временем подвига. Мы должны как-то привлечь силы своей души, чтоб наше сердце взять и перевернуть в сторону от земного — к небесному, от тленного — к нетленному, от временного — к вечному. Как раз и задача наша это сделать.

Пост — время духовной борьбы, это не время неких медитаций над прекрасными священными текстами. Священные тексты просто эту борьбу делают для нас радостной, наполненной смыслом.

— Читая текст «Умрем для житейских страстей», мы привыкли к слову «страсти». Почему житейские, что это значит? Это обычные страсти, которые мы привыкли перечислять в своих молитвах, или это привязанность к миру; вот я хочу в театр сходить, телевизор посмотреть...

— Житейские страсти — это то, что нас привязывает к земле, то, о чем говорит молитва из Литургии Василия Великого, когда мы действительно хотим перебороть себя в ту сторону, чтобы у нас всегда вместо земного было небесное. Вот о чем мы просим обычно, когда приходим в храм? Мы просим о земном, понимаете. А Литургия просит о Небесном. Она перевертывает нас, людей.

Вот мы стоим в храме, и вот священник нашими устами начинает говорить: «Даруй им (то есть — нам) вместо земного (за чем они пришли) — небесное (за чем они не пришли), вместо временного (чего они хотят очень) — вечное (чего они не знают ещё), вместо тленного (к чему они привыкли) — нетленное (что они, в общем-то, в опыте своем не имеют)». Вот мы об этом молимся, и как раз это и

есть труд и путь, и умирание для житейских страстей вот в этом происходит.

— Когда пост заканчивается уже, наступает Светлая седмица, с одной стороны радостно, а с другой стороны грустно, что вот та жизнь, на которую ты, наконец-то, настроился, в самом конце поста, начинает вновь расплываться...

— Как сохранить то, что ты приобрел в своей душе — самый большой вопрос. Наверно, нужно сохранить память о том, что для тебя главное, и не растерять её, потому что это так легко сделать в первую неделю после поста, когда действительно разрешение на всё. Но это не значит, что ты теперь можешь разрешить себе вместо небесного — земное, вместо вечного — временное. Это значит, что ты можешь с радостью вкушать Богом благословенные вещи, но сохранить в себе это главное, что ты приобрел, эту вот память о том, что, тебя наполнило Великим постом, и не растерять ее.

Это очень тяжело, но если мы это делаем, если мы об этом не забудем, если это сохранится в нашем сердце, это действительно окажется для нас величайшей победой над самим собой, произойдет наше внутреннее воскресение из мертвых. Очень-очень важно вот так вот после поста вдруг не возвратиться к себе прежнему, не затмить накопленное прекрасным столом.

Надо причащаться, конечно. После поста важно сохранить тягу к причащению Святых Христовых таин. После поста надо стараться причащаться во время Светлой недели, если можно, вообще ходить на все богослужения Светлой недели. После поста надо сохранить эту ревность по Богу, желание причащаться Святых Христовых Таин.

— Как уйти от уныния, если кажется, что изменяешься, потом останавливаешься, и думаешь, что ничего не сделал...

— Не ставьте перед собой задачи всё время себя оценивать. Вы просто освободите себя от этого. В школе мы все время думали об оценках, боялись получить плохую. Духовная жизнь — не учеба в средней школе, здесь такого не должно быть. Вы работаете не за оценку, не ради оценки. Как только перестанете думать, какую оценку вам за это поставят — вам сразу станет проще.

Цели ставить перед собой нужно, а вот оценки за достижение этих целей — нет: насколько я эту цель достиг, насколько я это сделал, сколько мне за это причисляется баллов. Цель поставлена, да, но это же не значит, что цель нами достигается сразу в течение какого-то времени. Путь к цели может быть длиною во всю жизнь.

По страницам сайта [Православие и мир](#)

ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО

«Не рыдай Мене Мати»

Образ «Не рыдай Мене, Мати» относится к страстным и изображает Богородицу, оплакивающую Своего Божественного Сына, снятого с креста после распятия. Тело Спасителя представлено на фоне креста и наполовину погруженным в гроб, глаза Его закрыты, руки сложены крест-накрест. Богородица обнимает Христа, нежно прижимая к Его щеке. Эту икону иногда называют «Оплакивание Христа», по-гречески — «Пьета».

Рассказывает искусствовед Ирина ЯЗЫКОВА

вания Христа перед положением Его во гроб. Наверное, самым известным западным произведением на эту тему является «Пьета» Микеланджело.

Действительно образ оплакивания присутствует как в западной, так и в восточной христианской традиции, поскольку для всех христиан тема страданий и крестной смерти Спасителя свята.

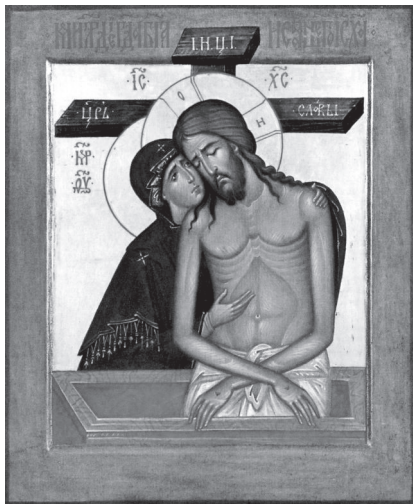
Однако есть существенные отличия православного образа от западных аналогов. Если на Западе этот образ дает нам возможность почувствовать глубину трагедии Матери, оплакивающей своего Сына, то в православном образе не чувствуется тотальности смерти. Напротив, сквозь скорбь слышится весть о Воскресении.

Об этом говорит и название образа, которое восходит к ирмосу девятой

песни канона св. Космы Маюмского на Великую Субботу: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Его же во чреве без семени зачала еси Сына: встану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовию Тя величающия.»

В песнопении Сам Христос утешает Мать, говоря Ей о грядущем Воскресении, побеждающем смерть. И в иконе мы не видим ничего мрачного, но в ней подчеркивается мотив диалога Матери и Сына. Композиция повторяет иконографическую схему Умиления, где Пресвятая Дева прижимает к груди Богомладенца Христа. Эта переключка

показывает, что в иконографии Умиления присутствует тема Страстей, а в иконографии «Не рыдай Мене Мати» — тема любви. Но именно любовь и побеждает смерть.

Г страстная тема в православной иконографии не имеет такого разнообразия, как в искусстве западноевропейском, тем не менее, начиная с конца XV в. в русские иконостасы входит Страстной ряд, а в аналойных иконах и в росписях жертвенника появляется сюжет «Не рыдай Мене, Мати». Иконография этого образа сложилась в византийском искусстве XIII в., а затем пришла в древнерусскую традицию.

На иконе «Не рыдай Мене, Мати» изображается Богородица, обнимающая Христа, стоящего во гробе на фоне креста. Нередко этот образ называют православной «Пьетой» (итал. пьета — плач), поскольку здесь раскрывается тема оплаки-

ОПТИНА

Оптина... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь называли просто «Саров». Иногда к

Оптиной присоединяли и слово «пустынь», хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в нескольких верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово Оптина толкуют различно. Но нам, с духовной точки, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям да и монахам, это объяснение нравится больше потому что богомольцы тоже приходили туда с грехами и искали спасения души: да и монашеское житие по сущности своей есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими «старцами». Первым у них был отец Лев — или Леонид — ученик знаменитого старца, Паисия (Величковского), подвизавшегося в Нямецком монастыре, в Молдавии. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху о. Макарию (Иванову), происходившему из дворян. Про него сам митрополит Московский Филарет сказал однажды: «Макарий — святой». Под его руководством воспитывался и вызрел «мудрый» Амвросий, учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы — два Анатолия, Варсонофий — из военной среды и о. Нектарий. Последнего, а также и второго, Анатолия, видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих, особо выдающихся иноков и настоятеля, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и в свою очередь воспитывало опытных старцев.

Старец — это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в священном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других.

Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами... Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от Оптиной, и сюда тянулись с разных сторон ищущие утешения и наставления. Иногда

непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца с утра до вечера. Большею частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные

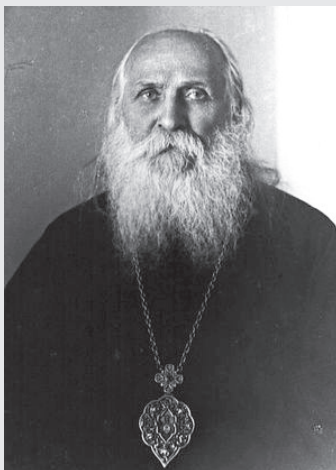
лица: приходили сюда и Толстой, и Достоевский, и великий князь И. Константинович, и Леонтьев, и б. протестант Эдергольм; жил долго при монастыре известный писатель С.А. Ниус; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ Михей; при о. Макарии обитель была связана с семьей Киреевских, которые много содействовали издательству монастырем святоотеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н. В. Гоголем; известный подвижник и духовный писатель, епископ Игнатий Брянчанинов тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М. А. Н., даже составлял родословное дерево, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-нибудь кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний. Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни; не говорят о подвижнической страде иноков, каковая известна была лишь им одним, их духовникам, да Самому Богу. Я буду говорить лишь о наиболее выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по СПб. Д. Академии, впоследствии архимандрит Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки, — что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде всего — слушателей в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красивым со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором пониже, там увидишь голеный ствол с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а — внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питания для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого

для взора нет, наоборот, и неблаголепно, и грязно... А то и разные червяки ползают и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

Так и монашество — говорил о. Иоанн, — лишь на высотах и сонне — красиво; а самый подвиг иноческий и труден и

БОЖИИ ЛЮДИ

Митрополит Вениамин (Федченков)

Мои Духовные Встречи

Продолжение.
Начало №2, 2014 г.

Известный иерарх Русской Православной Церкви, один из самых известных духовных писателей XX века митрополит Вениамин (Федченков, 1880-1961) был великим молитвенником, и Господь наградил его редким даром видеть в людях хорошее и святое.

Многие годы владыка Вениамин записывал свои размышления, собирал рассказы о «Божьих людях», о праведниках, о чудесных явлениях. Записывал и то, чему сам был свидетелем.

проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то ты, — говорил друг, — и не показываешь в своих рассказах.

Все это совершенно верно, — скажу я. Но ведь и в Житиях Святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается о ней подробно. Исключением является лишь житие св. Марии Египетской, от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенства. Но и то писатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы вообще не будем много останавливаться на наших темных сторонах; это не поучительно. Да они мне и неизвестны в других людях; о чем бы я стал говорить?! Впрочем, где следует там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угольников Божиих и предшествует и сопутствует духовная борьба; иногда — очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый о. Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников; он мало жил; умер, будучи инспектором Полтавской семинарии.

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И будучи студентом, в одном селе встречал духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни; не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже о. Иоанн Кронштадтский или епископ Феофан, затворник Вышенский, уже наши современники. Учеба, книги — вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще.

Будучи ректором Таврической семинарии, решил я к концу летних каникул посетить Оптину. На следующий год или через два, я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго — не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немногое из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь днем и остановился в так называемой «черной» гостинице, где останавливались «обыкновенные» богомольцы; мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока, с темными густыми волосами; я не знал никого. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особо не было.

ОТЕЦ АНАТОЛИЙ

Через 2-3 дня моей жизни пронеслась весть в монастырь: прибывает чудотворная икона Калужской Божией Матери (память 2 сентября). К указанному времени

многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа. Плотным кольцом кого-то или что-то окружившая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я видел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой нерасчесанной небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилось и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

— Кто это? — спрашиваю я соседа.

— Да батюшка отец Анатолий! — ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

Я слышал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в этом не имел никаких вопросов к нему.

А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему? И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только — явное чудо. Святой есть только «образ» Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет сам Бог Своєю благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Как Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: «Господи! Хорошо нам здесь быть» (Лк.9:33). Так и через святых людей эта же преображенная благодать и светит, и греет. А иногда — как это не раз было с о. Серафимом Саровским, — она проявляется и в видимом, хотя и в сверхъестественном свете. Так было и теперь: через «батюшку» (какое ласковое и почитательное слово!) светилось Солнце правды. Христос

Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспомнились мне и слова апостола Павла о христианах: «Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1Кор.3:16).

И — другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, в меру возраста полноты Христовой (Еф.4:13)... Вот какая высота задана христианину — Сам Богочеловек, Христос!

И это — не дерзость хищения невозможного (Флп.2:6), а повеление заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе:

«Если кто будет исполнять Мои заповеди, то будет возлюблен Отцем Моим; и Мы придем к тому и обитель в нем сотворим» (Ин.14:23).

Отец Анатолий

Это — цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать святого Духа. И тогда благодатствованные люди начнут изливать свой, т. е. Божий свет и на других.

Боже, как велики сами по себе и как чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого!

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых «великих» людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот когда приходилось стоять перед святым, тогда ясно чувствовалось действительное величие их... Вот это — необыкновенные люди! А иногда и страшно становилось при них, — как это мне пришлось ярко пережить при службе с о. Иоанном Кронштадским.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они — воистину достойны этого! Понятно станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще — всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

— Как нужно относиться вообще к человеку?

— С почитанием, — ответил он.

Я удивился словам его:

— Почему?

— Человек есть образ Божий, — сказал он.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди; повиновались Адаму в раю даже и звери. Об этом говорят и жития Герасима Иорданского и Серафима Саровского; и трепещут их даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Матерь Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном св. Серафиму, то Она сказала им:

— Сей — от рода нашего!

От того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лика на всех смотревших на него в Оптинском лесу, на солнечной прогалине!

МУЖ И ЖЕНА

Вот — и наставление его, старческий совет. Я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника о. Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женой... Уж как он любил ее невестой! Весь наш курс знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчались. Он получает приход в рабочем районе города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро продвигается вперед. Казалось бы

все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то переварилась и пережарилась. Да и время напрасно пропадает, и другие дела по дому есть... И дети появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой беспорядок и расстройство жизни. А еще важнее то, что она вместо прежней любви начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья. Батюшка же оправдывается перед ней:

— Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма!

Но это ее не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец, матушка однажды заявляет решительно мужу:

— Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому-то моменту мы обменялись с о. Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к о. Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть, кого предпочесть — храм или жену?

Я и зашел в келию батюшки. Он принимал преимущественно мирских; а монахи шли к другому старцу — о. Нектарию. В келии о. Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головой.

— Ах, какая беда, беда-то какая! — Потом не колеблясь, заботливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки: — Иначе плохо будет, плохо!

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием.

— Конечно, — сказал о. Анатолий, — и храм строить — великое дело; но и мир семейный хранить — тоже святое Божие повеление. Муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого себя; и сравнил апостол жену с церковью (Еф. 5:25—33). Вот как высок брак! Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неуютно будет и строение храма. А хитрый враг-диавол под видом добра, хочет причинить зло: нужно разуместь нам козни его. Да, — вот так и отпишите, пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите!

А потом, немного подумав, добавил:

— А тут добро-то добро: строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравится... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело поправилось.

Окончание следует.

Оптина пустынь. 1909 г.

Двенадцать Евангелий

До звона к чтению двенадцати Евангелий я мастерил фонарик из красной бумаги, в котором понесу свечу от страстей Христовых. Этой свечой мы затеplим лампаду и будем поддерживать в ней неугасимый огонь до Вознесения.

— Евангельский огонь, — уверяла мать, — избавляет от скорби и душевной затемни!

Фонарик мой получился до того ладным, что я не стерпел, чтобы не сбегать к Гришке, показать его. Тот зорко осмотрел его и сказал:

— Ничего себе, но у меня лучше!

При этом он показал свой, окованный жестью и с цветными стеклами.

— Такой фонарь, — убеждал Гришка, — в самую злующую ветрюгу не погаснет, а твой не выдержит!

Я закручинился: неужели не донесу до дома святого огонька?

Свои опасения поведал матери. Она успокоила.

— В фонаре-то не хитро донести, а ты попробуй по-нашему, по-деревенскому, — в руках донести. Твоя бабушка, бывало, за две версты, в самую ветрень, да полем, несла четверговый огонь и доносила!

Предвечерье Великого Четверга было осыпано золотистой зарей. Земля холодела, и лужицы затягивались хрустящей зале-дью. И была такая тишина, что я услышал, как галка, захотевшая напиться из лужи, разбила клювом тонкую заморозь.

— Тихо-то как! — заметил матери. Она призадумалась и вздохнула:

— В такие дни всегда... Это земля состраждет страданиям Царя Небесного!..

Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой земле прокатился круглозвучный удар соборного колокола. К нему присоединился серебряный, как бы грудной звон Знаменской церкви, ему откликнулась журчащим всплеском Успенская церковь, жалостным стоном Владимирская и густой воркующей волной Воскресенская церковь.

От скользящего звона колоколов город словно плыл по голубым сумеркам, как большой корабль, а сумерки колыхались, как завесы во время ветра, то в одну сторону, то в другую.

Начиналось чтение двенадцати Евангелий. Посередине церкви стояло высокое Распятие. Перед ним аналой. Я встал около креста, и голова Спасителя в терновом венце показалась особенно измученной. По складам читаю славянские письмена у подножия креста: «Той язвен бысть за грехи наши, и мучен бысть за беззакония наша».

Я вспомнил, как Он благословлял детей, как спас

женщину от избияния камнями, как плакал в саду Гефсиманском всеми оставленный, — и в глазах моих засумерничало, и так хотелось уйти в монастырь... После ектений, в которой трогали слова: «О плавающих, путешествующих, недугующих и страждущих Господу помолимся», — на клиросе запели, как бы одним рыданием:

«Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещася».

У всех зажглись свечи, и лица людей стали похожими на иконы при лампадном свете, — световидные и милостивые.

Из алтаря, по широким унынным разливам четвергового тропаря вынесли тяжелое, в черном бархате Евангелие и положили на аналой перед Распятием. Все стало затаенным и слушающим. Сумерки за окнами стали синее и задумнее.

С неумоимой скорбью был положен «начал» чтения первого Евангелия «Слава страстем Твоим, Господи». Евангелие длинное-длинное, но слушаешь его без тяготы, глубоко вдыхая в себя дыхание и скорбь Христовых слов. Свеча в руке становится теплой и нежной. В ее огоньке тоже живое и настороженное.

Во время каждения читались слова, как бы от имени Самого Христа.

«Людие мои, что сотворих вам, или чем вам стужих, слепщы ваша просветих, прокаженныя очистих, мужа суца на одре возставих. Людие мои, что сотворих вам и что ми воздаете? За манну желчь, за воду оцет, за еже любити мя, ко кресту мя пригвоздиша».

В этот вечер, до содрогания близко, видел, как взяли

Его воины, как судили, бичевали,

распинали, и как Он прощался с Матерью.

«Слава долготерпению Твоему, Господи».

После восьмого Евангелия три лучших певца в нашем городе встали в нарядных синих кафтанах перед Распятием и запели «светилен».

«Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи; и мене Древом крестным просвети и спаси».

С огоньками свечей вышли из церкви в ночь. Навстречу тоже огни — идут из других церквей. Под ногами хрустит лед, гудит особенный предпасхальный ветер, все церкви трезвонят, с реки доносится ледяной треск, и на черном небе, таком просторном и божественно мощном, много звезд.

— Может быть, и там... кончили читать двенадцать Евангелий, и все святые несут четверговые свечи в небесные свои горенки?

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАКИМ (ПАРР)

«Если по-настоящему любишь — это всегда о другом, а не о тебе»

«Если человек живет желанием иметь в себе Бога, то где бы он ни находился — в Москве, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке или в пустыне, — он уже тогда не будет одинок, — считает старец. — ...И не имеет значения, чем человек занимается: шьет, пишет, поет или готовит пищу. Если все это будет делаться с любовью — это спасет вас и всех вокруг вас».

— Отец Иоаким, свои беседы с людьми в церкви и лекции вы начинаете с темы любви. Почему столько внимания вы уделяете проблеме любви и взаимоотношений с ближними в жизни человека?

— Суть человеческих взаимоотношений — настоящих взаимоотношений! — Священное Писание объясняет нам очень просто: «Вы можете делать что угодно: выполнять любую прекрасную работу, заботиться о страждущих и болящих, воскрешать мертвых, ходить по воде, двигать горы, но если не имеете любви — вы ничто!» Потому что в этом и есть смысл жизни — наши отношения с людьми, единение с ними, связь с ближними. Но поскольку истинных взаимоотношений не может быть без любви, в первую очередь мы должны заботиться об окружающих нас людях. Заботиться больше, чем о себе самих. Поэтому любовь требует, чтобы мы вышли за рамки своего «я», своего эгоизма, чтобы мы отдавали, а не брали — любили других, а не себя.

Любовь — единственный истинный человеческий акт, это свобода от изоляции. Всё, что мы совершаем, будучи человеческими существами, имеет отношение к любви — любви к себе, к Богу или ближним. Любовь к себе деструктивна, она изолирует человека от мира и окружающих его людей, превращает в индивидуалиста: человек замыкается в собственном мирке, постоянно тревожится, волнуется, переживает по поводу и без. Любовь к Богу или ближнему заставляет человека отринуть себя и свои потребности, человек больше хочет дарить, чем получать.

Причина, по которой я постоянно говорю о любви, в том, что о любви

говорил Христос. В самом начале в Евангелии сказано: «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного». Единственная причина пребывания Христа на земле — любовь. И приходил Он для того, чтобы научить нас любви. Люди часто говорят: «Я должен любить себя, должен заботиться о том и об этом», — на что я отвечаю: «В четырех Евангелиях, что оставлены нам в качестве руководства ко спасению, нет ни одного места, где бы говорилось о любви к себе — ни в одном из четырех Евангелий вы не найдете такой заповеди». Единственная заповедь, которую оставил нам Христос, — заповедь о любви друг к другу. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя». Слышите, ни слова о любви к себе! Более того, Бог говорит, что мы должны возлюбить своих врагов! Весь смысл послания Христа — в любви. Поэтому невозможно говорить о Христе или о Церкви, даже о человеке, не затрагивая тему любви. Вот почему я постоянно, везде и всюду говорю о любви.

Чтобы быть с Богом, мы должны это выстрадать

— Вы акцентируете внимание на том, что люди не умеют любить. И подчеркиваете, что на самом деле мы даже не понимаем, что это такое — истинная любовь.

— До грехопадения Адам и Ева жили в полном осознании Бога и Его присутствия в их жизни, находились в постоянном общении с Ним. Когда же первые люди стали думать о себе,

превратили прежнее сознательное понимание Бога, любовь к Нему и отношения с Ним в то, что называется «а как же я?», — они согрешили, стали гордыми и непослушными. Именно из-за грехопадения осознание постоянного Божиего присутствия и связь с Богом были потеряны для человека. Поэтому мы больше не находимся в постоянном богообщении. Теперь, чтобы быть с Богом, мы должны это выстрадать. Требуются огромный труд и работа над собой на протяжении всей жизни, чтобы вернуть то состояние, которое было в раю до грехопадения.

Адам и Ева пали потому, что вместо Бога поставили в центр себя и свое «я». Поэтому с тех пор люди заиклены на себе, думают только о собственных нуждах. И так как всё теперь вращается вокруг нас самих, любые взаимоотношения представляют трудность. Мы говорим так: «Я люблю тебя, а ТЫ любишь МЕНЯ? ТЫ обещал, но не выполнил своего обещания! ТЫ не сделал то-то и то-то!» Мы всё время ставим в центр себя и говорим о собственной персоне, даже не замечая этого! Поэтому мы должны учиться любить.

Любовь присутствует там, где есть забота о другом, а не о себе. Если любишь, в центре стоит другой человек, а не ты. Если же наоборот, то это эгоистичная любовь к себе. Если вы говорите: «Я люблю всех в этой комнате, кроме одного человека», — другими словами, один из этих людей вам не нравится — любите ли вы? Конечно, нет — вы не любите никого. Единственный, кого вы любите, — это вы сами. Если вы любите человека только при условии, что он к вам хорошо относится — то есть в

соответствии с тем, как вы судите о нем, — то это тоже любовь к себе. Мы должны следовать заповеди и подражать Христу — любить всех людей без исключения. Никаких различий! Любить не за внешность или заслуги, не из-за выгоды или потому, что кто-то обещал что-то сделать для нас, — нужно любить человека таким, какой он есть. Кто мы есть? Кто вы? Кто я? Мы чада Божии, и Он любит нас одинаково, не делая между нами различий. Если я говорю, что не люблю какого-то определенного человека, то я и любого другого тоже не люблю, хоть и утверждаю обратное.

Поэтому любовь — это всегда Бог. Без Бога любви нет. Вы не можете утверждать, что любите своего мужа или жену, но при этом не любите Бога. Увы, вы не любите и супруга тоже, а любите только себя и понятия не имеете, кто есть ваш муж или жена. Вы даже не знаете, кто вы есть на самом деле. Необходимо помочь людям прийти к осознанию, что подлинные взаимоотношения — это любовь к Богу и ближнему.

— *На ваш взгляд, что является основной проблемой в духовной жизни в наши дни?*

— Эгоизм, заикленность на себе. Я бы даже сказал — одержимость собственной персоной. Когда человек думает о себе, другие люди для него представляют интерес только в том случае, если от них можно что-то получить. Если люди дают вам то, что вы хотите, вы принимаете их в круг своих интересов, они находятся в вашем сознании. Ежели нет — они вне ваших мыслей и дел, вы держите их на расстоянии. Важно только то, что ВЫ чувствуете, что ВЫ хотите: важны ли вы в обществе или семье, как вы выглядите, заботятся ли о вас другие и тому подобное. Вы не можете думать ни о чем другом, кроме себя — ваш разум вращается вокруг вас и никого больше. Но Господь говорит: «Возлюби Бога всем разумением своим». Как человек может любить Бога, будучи одержимым собой? Это невозможно. Когда мы думаем о себе, в первую очередь мы преступаем против слов Господа: «Люби Меня всем сердцем своим». Вместо этого мы говорим: «Нет, нет, нет, я люблю себя и предоставляю Тебе, Бог, немножко места в своей жизни». Однако Господь не отвечает такому человеку.

Когда приходишь в хоспис и помогаешь умирающим: моешь их, убираешь за ними, — тогда приходит осознание, что человек — это нечто большее, чем плоть и кровь.

— *Почему это происходит с людьми? Как нам избавиться от эгоизма и самости?*

— Нет ничего нового под солнцем — так было со времен падения первых людей, когда мы потеряли постоянную связь с Богом из-за греха. Необъяснимое желание богообщения, жажда соединения, наполненности, единения, завершенности есть в каждом человеке. Мы ищем нечто, что наполнило бы нас, мы понимаем, что чего-то не хватает. И это что-то — Бог. Это испытывают все люди без исключения. После грехопадения люди всё время ищут этой наполненности. Но ищут не там — они не понимают, чего именно им не хватает, пытаются заблудиться в отношениях с противоположным полом, затем им становится скучно, и они начинают искать что-то новенькое, потом и это надоедает, и опять по кругу. Человек встречает кого-то, влюбляется, жизнь начинает играть новыми красками, но, увы, опять то же самое: начинают бросаться в глаза недостатки, которые раньше почему-то не замечались, человек разочаровывается, «любовь» сходит на нет.

Вместо того чтобы осознать, что желание наполненности реализуется исключительно в Боге, мы пытаемся найти выход в чем угодно, только не в Нем, — в других людях, в тех, кого мы любим или кто нам нравится, в различных занятиях, работе. Однако ничего не меняется. Всё это происходит потому, что никто не может нам дать того, что дает только Бог, — никто и ничто не может заменить Господа. Мы никогда не сможем построить отношения с ближними, пока не найдем Бога. Вот в чем смысл любых взаимоотношений: они должны приводить нас к Богу. Единственный путь избавления от собственного эгоизма — научиться любить своих ближних.

До тех пор, пока ваша жизнь сфокусирована на вас самих, вы не сможете избавиться от самости. Предлагаю каждому, кто страдает от одержимости собой и хочет научиться любви и самоотречению, научиться видеть ваших страждущих братьев и сестер. Это хорошо ударит по вашему тщеславию, вы забудете о себе и собственном «я».

Идите в хоспис или больницу, и тогда вы осознаете: помогая другим, вы спасаете себя. Когда вы помогли бездомному, накормили голодного на улице, ВЫ получили благословение, а не они! Потому что вы дали другому нечто, в чем он нуждался. Вы увидите, как изменится ваша жизнь, осознаете, что вы начали меняться. Когда приходишь в хоспис, где люди умирают от страшных болезней, и помогаешь им: моешь их, убираешь за ними, чистишь им рот, чтобы они могли глотать, — тогда приходит осознание, что человек — это нечто большее, чем плоть и кровь. Внутри тела заключен кто-то другой, плоть — это не весь человек, тело — это не я. Мы должны понять, что у нас абсолютно неверное представление о нас самих. Мы — это наша бессмертная душа. Смысл в том, ЗАЧЕМ я живу, а не КАК я живу.

Сегодня люди нуждаются в том, чтобы скинуть оковы эгоистичной любви к себе, которыми они поработены. И сделать это они смогут, если начнут жертвовать собой, отдавая себя другим, служа ближним. Но это не просто, конечно. Однако удивительное дело: когда помогаешь страдающим братьям, приходит осознание того, что, проявляя эгоизм, ты становишься немоощен, слаб и мал.

Когда вы идете по улице и вдруг кто-то говорит вам: «Ты только посмотри на этого пьяницу!», вы должны ответить: «Посмотри на нашего брата! Он потерян, одинок и печален, он пьян, но это наш брат!» Как мы можем пройти мимо него и не протянуть руки помощи? А если бы это был ваш родной брат по крови, что бы вы сделали? Вы бы не бросили его, потому что любите.

— *Иногда трудно проявлять любовь к ближнему, который пьет, принимает наркотики, не работает. Даже если любишь его.*

— Представьте такую ситуацию: вы пришли на прием к врачу, и доктор ставит вам неутешительный диагноз: у вас рак. Вечером вы объявляете эту новость в кругу семьи, и ваши родные вдруг заявляют: «О, это проблема! Ты собираешься разрушить нашу жизнь, у нас были другие планы, мы не хотим иметь с тобой ничего общего, потому что ты болен». И они уходят, потому что не хотят принять факт вашей болезни, их это не устраивает.

Итак, когда у вашего ближнего проблемы с алкоголем, к примеру, или

он в унынии, вы смущаетесь, это непонятно для вас, вы не хотите этого принять. Но ваш ближний страдает, даже если он сам причиняет себе боль. Представим, что я обжег руку. Вы же будете мне сочувствовать, верно? Однако если я стану резать себя ножом, вы закричите, чтобы я перестал, — но ведь боль-то одинаковая. Ваш брат страдает, но вы видите только свою боль и неудобство ситуации для вас лично. Вы злитесь, потому что ничего не меняется. Ваш брат всех беспокоит, вы пытаетесь что-то сделать, как-то повлиять на ситуацию, но тщетно. Но вы не видите главного: ваш брат болен! Какая-то часть этого человека, вашего брата, для вас потеряна, но единственное, что вы видите, — это проблему. А вы должны увидеть человека! Когда в последний раз вы говорили брату, что любите его? Вы должны дарить ему любовь, потому что ваш брат страдает. Это непросто, но это не повод, чтобы не любить.

Бог ждет, Он здесь — неважно, что мы делаем, ведь ничто не может изменить любовь Господа к нам. Он любит нас несмотря ни на что! Бог не может не любить, и ничто не может заставить Его перестать любить нас. Это самый важный урок — мы должны научиться этому у Бога, мы должны учиться любить. Любить не за что-то, не потому что — а вопреки. Это тяжело порой, поскольку мы не понимаем любви, мы полагаем, что любовь — это то, что касается нас, а не другого человека.

Идея Церкви очень проста — следовать по стопам Христа Спасителя

— Вы перешли из католичества в Православие в 1970 году. Что подвигло вас на это решение?

— Не было какой-то особой причины, была острая необходимость в развитии. Я открыл для себя, что в Православии сохраняется традиция древней апостольской Церкви, какой она была в период жизни апостолов и в первые сто лет существования христианства. То горение, жажда, уровень устремленности, преемственность — всё это до сих пор живо и есть только в Православной Церкви. Идея преемственности древнехристианской апостольской Церкви, послушание отцам Церкви, принятие наследия Вселенских Соборов, чистота веры — всё это сохранило Право-

славие в неизменном виде. Не каждый, кто находится в Церкви, осознаёт это. Более того, некоторые даже не имеют представления, о чем вообще идет речь. Однако это не означает, что в Церкви этого нет, — Церковь как Тело Христово хранит чистоту веры. В Римско-католической церкви осознание необходимости сохранения ранней апостольской Церкви, традиции следования отцам Церкви и стояния в чистоте веры было серьезно подорвано в Средние века (в XIII веке и позднее) в связи с влиянием схоластики. В качестве основного инструмента в понимании теологии была принята философия, которая своими методами объясняла причины существования Церкви.

Конечно, для меня это было большим искушением, борьбой, потому что, когда я начал служить в православном приходе, многие прихожане не понимали, о чем я вообще толкую. Мне могли сказать, к примеру: «Почему вы здесь, вы же американец, а не русский — это наша церковь!» На что я отвечал: «Если это ваша церковь, то мне действительно тут делать нечего. Церковь должна быть Христовой, частью которой являемся все мы. Если вы родились в России и крестились в раннем детстве, это не делает вас более православными. Я не менее православный, хоть и родился в другой стране и крестился в более зрелом возрасте. Православными нас делает Таинство Крещения, а не национальность».

Итак, когда я стал православным, это было счастьем и бременем одновременно. Во-первых, я искал этого всю свою жизнь. А тяжело было, поскольку пришлось принять Православие вместе с культурой, которую оно в себе несет. Скажем, вы хотите выпить воды, но это невозможно сделать, если у вас нет емкости, в которую воду можно налить, потому что жидкость должна быть во что-то налита, иначе она растечется. Иногда мы видим только воду и забываем про стакан, который ее удерживает. Так же и здесь: православная вера тесно связана с русской культурой и религиозной практикой, но зачастую, к сожалению, люди путают стакан с водой — Православие связывают с практикой и особенностями местных приходов.

Приведу характерный пример: в последнее воскресенье накануне Пасхи, в Вербное воскресенье, я был в одном приходе, где люди утверждали, что нужно использовать только вербу: «Это же и

есть Церковь! Вербное воскресенье — это исключительно ветки вербы! Вот Православие!» Я начал объяснять, что во времена Христа не использовалась верба — тогда были пальмы и другие деревья. «В нашей местности тоже растут пальмы, — сказал я, — но вы настаиваете на вербах только потому, что в это время года в России распускаются вербные деревья. И это Православие? Это, извините, сумасшествие!» В итоге мы использовали в храме разные ветки, но люди пришли в еще большее негодование: «Вы отрицаете нашу традицию, нашу веру! Вы меняете Церковь!» Они не понимали меня совсем — поэтому было непросто вначале. Сейчас это всё уже позади, и я понимаю данные трудности, связанные с традицией.

— Христиане призваны быть миссионерами. Что именно мы должны делать, и в чем состоит миссия Церкви?

— Суть церковной миссии была открыта нам Христом: нести в мир весть о Боге, научить все нации, Кто был и есть Иисус Христос, крестить их во имя Отца и Сына и Святаго Духа. К этому призывает нас Сын Божий — открывать людям путь к Отцу Небесному. И путь этот — Иисус. Миссия Церкви — привести всех людей ко спасению. Православные христиане, которые не верят, не осознают, что только Христос есть путь, истина и жизнь, находятся не на правильном пути. Нужно верить, прежде чем доносить эту веру до других, нужно сделать это частью своей жизни. В первую очередь миссионеры должны быть христианами, и задача Церкви — привести всех ко Христу. Некоторые утверждают, что все религии одинаковые и не столь важно, как верить. Но это очень важно!

Что касается социального служения в Церкви, на мой взгляд, зачастую это не очень удачное дело, так как не сближает нас с ближними, лишает возможности близкого контакта с теми несчастными, кому нужна наша поддержка. Человек просто кладет деньги в ящик для пожертвований или покупает еду или одежду нуждающимся, считая, что таким образом исполнил свой христианский долг. Но мы не видим за всем этим человека как личность. Мы даем милостыню ради самих себя, чтобы почувствовать себя лучше, а не потому, что мы любим нашего страдающего брата или сестру и переживаем за них.

Как вы думаете, какая самая серьезная болезнь современного общества в России? Одиночество!

— Как вы думаете, какая самая серьезная болезнь современного общества в России? Что вы видите повсюду?

— Я думаю, самая большая проблема в наши дни — это одиночество. Сейчас почти все одиноки, люди не могут оставаться в тишине на долгое время, не могут быть одни — потому что они пусты внутри и напуганы. Молодежь принимает наркотики и алкоголь, чтобы не думать, забыться, спрятаться от проблем. Они втыкают в уши наушники, в которых гремит музыка, «уходят» в компьютерные

игры, фильмы, видео и тому подобное. У них половые отношения, а не любовь. У них есть деньги, различные игрушки-развлекалки, они трудоголики — всё это для того, чтобы только не оставаться наедине с самими собой. Одиночество — огромнейшая язва, болезнь современного общества. И всё потому, что люди далеки от Бога, у них нет связи с Ним, нет отношений друг с другом — и они не знают, что делать.

Идея Церкви очень проста — следовать по стопам Христа Спасителя. Что Он делал, когда жил на земле? Для чего Он пришел в мир? Что нам делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Христос сказал очень ясно: «Всё, что вы сделали своему ближнему, вы сделали Мне. Когда Я был голоден, вы не дали Мне еды; когда испытывал жажду, вы не дали Мне пить; когда Я был в тюрьме, вы не навестили Меня; когда Мне было одиноко, вы не пришли ко Мне». Ученики спросили Христа: «Когда Ты был голоден, хотел пить, был в тюрьме или одинок?» И Господь ответил: «Каждый раз, когда ваш брат был голоден, жаждал, был в заключении, на улице, одинок, наг, — это был Я, и вы не помогли Мне». Вот завещание Христа. Если мы хотим увидеть лик Христа, мы должны научиться любить наших ближних. Иисус сказал: «Кто видел Меня, тот видел Отца». Можно перефразировать это так: «Если ты видишь Христа в своем ближнем, то ты лицезришь Самого Бога». Если ты узнал во Христе Бога Отца, то узнаешь в своем ближнем Христа. Если же ты не можешь увидеть Христа в своем брате, то никогда не увидишь Его — поэтому мы и страдаем. Почему Церковь настолько отделена, далека от общества? Потому

о. Иоаким с братией

что люди не слышат призыв. Вы живете в Москве, где большинство людей в возрасте от пятнадцати до сорока не интересуются Церковью, они даже не думают об этом.

— Часто можно слышать от невоцерковленных людей: «У меня Бог в душе»...

— И им не нужна Церковь, я понял. Они с таким же успехом могут сказать, что они не нуждаются в пище, так как еда у них в желудке, или им не нужен воздух — он у них в легких. Это нонсенс — оправдание, чтобы ничего не делать. Вера — это взаимоотношения с Богом, она не существует сама по себе. Люди, которые говорят, что Бог у них в душе и поэтому им не нужна Церковь, — эгоисты, которые любят только себя и отрицают тот факт, что они должны находиться в отношениях с другими людьми. Они говорят: «Я люблю всех, я люблю Бога. Бог во мне, мне не нужна Церковь!» Но это же просто абсурд! Под всем этим скрывается тот факт, что такие люди не хотят чем-то жертвовать, отдавать себя, не желают быть частью Церкви, они хотят жить для себя и жить так, как хотят.

— Некоторые утверждают, что им еще рано ходить в храм, они слишком молоды для этого, хотя людям за сорок-пятьдесят лет.

— Я бы им сказал: «Бегите в храм! А то будет слишком поздно!» Могут ли они гарантировать, что будут живы завтра? Они, конечно, на это надеются, но что, если Бог призывает их завтра? Что они скажут Ему? «Прости, Господи, я был занят, мне было не до Тебя, я не хотел отдать Тебе свою жизнь, я слишком эгоистичен, люблю только себя». Мы должны зажечь в этих людях огонь.

Окончание следует

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАКИМ (ПАРР), настоятель монастыря преподобной Марии Египетской в Нью-Йорке, на протяжении многих лет занимается миссионерской деятельностью, организует помощь бездомным.

Однажды, проезжая на машине по улице Сан-Франциско, отец и сын Парры увидели идущего пожилого священника и решили его подвезти.

«Православный?» — спросил священник молодого человека. «Католик», — ответил он. «Православный, православный...» — повторил батюшка. Это был русский священник — будущий святитель Иоанн Шанхайский.

Католическим монахом Джон стал в восемнадцать лет. Приняв Православие, был пострижен в монашество в Святой Ильинском скиту на Святой Горе Афон, где подвизался восемь лет.

Звонкий колокольчик памяти

Четыре повести, которые принесли Распутину известность, — «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой» — вышли за сравнительно небольшой отрезок времени в конце шестидесятых — половине семидесятых годов, и уже после первой стало понятно, что в русскую литературу пришел не просто очень крупный писатель со своим голосом, своей темой, языком, но и ходатай по народным бедам, и каждое из следующих его произведений становилось событием не в литературе только, но в жизни. Чем бравурнее звучала советская пропаганда 70-х, тем тревожнее звучал его упрямый глуховатый сибирский голос, и именно при чтении распутинских повестей становилось понятно, что надломленная, наполненная внутренними угрозами, себя теряющая страна с таким диагнозом духовного состояния нежизнеспособна. Он давал ответ на шукшинский вопрос, что с нами происходит, как никто другой предчувствуя, что ждет Россию и что может стать спасением для человека во времена безверия и в минуты отчаяния.

15 марта исполнилось 77 лет
русскому писателю
Валентину Григорьевичу Распутину

Валентин Григорьевич считает «смелой удачей» свое рождение в глухой сибирской деревне, где сохранились еще традиции, язык и жили «совершенно неиспорченные люди». В одном из интервью Распутин вспоминал, как после ареста отца, в ожидании комиссии, которая должна была описать и реквизировать скудное семейное имущество, односельчане разнесли по домам их лавки, табуретки, плошки да поварешки. Схоронили всё, в том числе и главную ценность — швейную машинку матери. А потом вернули. Только среди возвращенных вещей, узнаваемых и родных с самого детства, было достаточно предметов новых, добавленных сердобольными соседями. Так и выживали всем миром.

Его взлет на вершину русской литературы был стремительным. В 40 лет он стал чуть ли не самым молодым лауреатом, получив Государственную премию за повесть «Живи и помни». Голос Распутина зазвучал подобно колокольчикам, которые попадают в кадр во время одного из интервью писателя: чуть надрывно, порой тревожно и вопрошающе, в общей разногласии представителей деревенской прозы. По словам Солженицына, именно они в 70-е годы произвели не сразу заметный переворот, «тихий, без мятежа, без тени диссидентского вызова, ничего не свергая и не взрывая декларативно».

Вспоминая о своем журналистском прошлом, Валентин Григорьевич, не стыдится, а, скорее, огорчается. Но, возможно, именно опыт и специфика той работы наравне с его жизненной позицией не позволяли ему оставаться в стороне от всего происходящего в стране. Он критиковал перестройку, яростно осуждал «травлю» коренного населения, выступал за выход России из состава СССР, но всегда лейтмотивом звучало напоминание о сохранении того, что имеют русские люди, того, что в лихолетье становится опорой — памяти и веры.

По собственному признанию Валентина Григорьевича, он всегда ощущал себя свободным. Возможно, потому что центром его мироздания неизменно оставалась родная

«Сегодня главное — вытерпеть! Вытерпеть чужую культуру, чужие порядки, чужое образование, которые ворохом наваливаются на Россию. Нужно не дать им укорениться!»

«Слава Богу, сегодня открыты храмы, куда переместилась тысячелетняя Россия»

сибирская деревня с ее, казалось бы, обычными жителями — именно это давало ему силы и питало его вдохновение. А еще Ангара, которая, по словам писателя, «по-матерински вскормила, наговорила сказок и наплескала сострадательными слезами».

А может, у его свободы были и другие причины, ведь писал он о том, что считал по-настоящему важным. В одном из интервью Валентин Григорьевич вспоминал, что единственный опыт работы на заказ оказался весьма неоднозначным: вместо книги о стройках коммунизма, которую он должен был написать, сдал издательству «Живи и помни» — повесть о человеке, который дезертировал с фронта, и о том, какую цену пришлось заплатить за этот поступок.

Распутин щемяще-пронзительно рассказывал о самом главном: о горьких потерях, об утрате истоков и расставании с малой Родиной, о надежде, которая дремлет в сердце каждого русского человека, об «уктанной совести» и о вечном поиске смысла. И каждый раз Валентин Григорьевич словно пытается снова и снова отыскать и разгадать самое сокровенное, что есть в каждом живущем на земле, — его душу и живущую в ней память. Солженицын называл Распутина тем «прозорливцем, которым отрываются слои бытия, не всем доступные», критики же считали мистиком.

«Слишком велика, мудра, чувственна и хороша Россия, чтобы в одночасье можно было закончить ее судьбу»

«Героем нашего времени становится тот, кто не поддается на весь этот срам и продолжает жить по совести, помня о традициях своего народа и родном языке»

Когда родной поселок Распутина «перенесли» и организовали леспромхоз, главным занятием жителей стала поставленная на поток вырубка леса. Валентин Григорьевич вспоминал, что «пили вальщики леса безбожно, так, как и сегодня не пьют». Но, как известно, именно этот путь выбирает русский человек, пытаясь заглушить тоску и горечь. Главной своей работой Валентин Григорьевич считает повесть «Прощание с Матёрой», для нее он «сберег себя» и в ней выплеснул всю неугасающую боль, которая может съесть человека при утрате самого дорогого. И именно в этой книге Распутин показал счастливого, обретшего истину. Его старуха Дарья знает, в чем правда. Она — в памяти:

«у кого ее нет, у того нет и жизни».

В 90-е годы Валентин Григорьевич продолжает писать художественную прозу, но его рассказы не вписываются в современный формат. Они о том, что по-прежнему никуда не пропало, но что стало вольно или невольно забываться: о российской глубинке, об униженных и неприкаянных людях, о бунте, на который рано или поздно решается отчаявшийся человек. Распутин идет «вратами узкими», но в этом «сопротивлении» остается верен себе, подобно любимому им колокольчику, «не меняющему голос, в отличие от нас».

**Фаина Шатрова
Кириллица.ру**

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

МЫСЛИ О ГЛАВНОМ

«СЕГОДНЯ СУДЬБА РОССИИ ВРУЧЕНА НАМ...»

Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь — ну и достаточно с нее, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине — то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам все, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм — это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землей, но прежде всего долг перед нею, радение за

ее духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с ее страданиями и радостями. Человек в Родине — словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он — духовный оборвыш, любим ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце свою Родину, не запутается, не опустится, не озверевает, ибо она найдет способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Родина — это прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком

многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина — он любит и защищает все доброе и слабое на свете, нет — все ненавидит и все готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее — живем же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне ее эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина — это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной...

Родина больше нас. Сильней

нас. Добрая нас. Сегодня ее судьба вручена нам — будем же ее достойны.

Этот век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни Смута XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут. Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека — в вере, идеалах, нравственном духовном прямостоянии. В прежние тяжелые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во Второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемленное национальное чувство — ущемленное, а не проклятое и не вытравливаемое, — стало в этих странах возбудителем энергии.

Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцелива-

ние человека, опустоение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия — отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей — от ничего, под тоскливой вой души.

Вопрос: что лучше для народной нравственности — атеистическое государство, предлагающее под своей вывеской евангельские заповеди, или государство неограниченных свобод, где не утесняется вера, но махровым цветом расцвело зло, направленное как против веры, так и вообще против нравственности?

Церковь освобождена от теснений, но отдана на растерзание всем, кому она мешает. Православие стараются расколоть, растлить и обезобразить с помощью «свобод». Этим и сейчас занимаются вовсю, против него еще больше будут стянуты все воинствующие силы.

В грязном мире, который представляет из себя сегодня Россия,

сохранить в чистоте и святости нашу веру чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от «мира». Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме Православия. Все остальное у него отняли или он промотал. Не дай Бог сдать это последнее. Помните, у Василия Шукшина: «Народ весь разобрался». Но тогда он еще не «разобрался». У Шукшина это было предчувствие возможного, а теперь уйми или даже ослаби духовную связующую силу — и все, больше связаться нечем.

Мы не знаем, что происходит с народом, сейчас это самая неизвестная величина.

Албанский народ или иракский нам понятнее, чем свой. То мы закликательно окликаем его с надеждой: народ, народ... народ не позволит, народ не стерпит... То набрасываемся с упреками, ибо и позволяет, и терпит, и договариваемся до того, что народа уже и не существует, выродился, спился, превратился в безвольное,

В. Бычков «Несение Креста»

ни на что не способное существо.

Вот это сейчас опаснее всего — клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того беспрерывно шельмуют и оскорбляют в течение двадцати лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него все как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нем воодушевлению, воле, сплоченности, если только и знают, что обижают его и физически, и морально.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавшихся веков.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, — купилось;

все, что могло предавать, — предало; все, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, — согласилось; все, что могло пресмыкаться, — пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст.

Ее, эту коренную породу, я называю «второй» Россией, в отличие от «первой», принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами — поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними — одно только «Поле чудес».

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы — сердца людей» — эти слова Достоевского будут вечным эпитафием к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа: одно низменное, животное и второе — возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдается. Да, многие привыкли к той телевизионной жвачке, которой пичкают их с утра до вечера, многим она нравится. И боевики со стрельбой и кровью, и Содом в обнимку с Гоморрой, и пошлости Жванецкого с Хазановым, и эпатажи Пугачевой, и «Поле чудес», и прочее-запрочее. Ну что же — на то и сети, чтобы ловить наивные души. Одно можно сказать: жалко их, сидящих то

ли на крючке, то ли на игле.

Боюсь, года через два-три, ежели ничего не изменится, и волянка с властью, которая служит чужим интересам, будет продолжаться, то Россию силой заставят принять капиталистические «завоевания», а они к тому времени станут еще разительнее и свирепее. С Россией уже сейчас не считаются, и чем дальше, тем меньше будут считаться. Государство, сознательно убивающее самое себя, — такого в мире еще не бывало. На нее, слабеющую все больше и больше, уже заведены свои планы, свои расчеты, и потерять Россию как своего вассала, потерять ее с возвращением в самостоятельную и самодостаточную величину не захотят.

Сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причем самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию.

Я верю в выздоровление. Такие духовные запасы, такое культурное богатство, такая народная мощь, как у нас, не могут быть погребены...

По страницам книги
«Боль души»

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Литературно-исторический конкурс

Воскресная школа при Александро-Невском соборе совместно с библиотечно-информационным центром (библиотека — филиал № 35) с 11 марта по 19 мая проводит литературно-исторический конкурс творческих работ «Язык наш — древо жизни на земле» ко Дню славянской письменности и Году культуры РФ.

В конкурсе могут принять участие все желающие в возрасте от 7 до 17 лет.

Конкурс сочинений:

Участникам конкурса предлагается выбрать одну из понравившихся тем и раскрыть её или в исследовательской работе, или в творческой (сочинении).

5-8 класс:

- «Книга моего давнего сверстника»
- «Слава вам, братья, славян просветители!» (Кирилл и Мефодий: жизнь и подвиг)

— Значение Дня славянской письменности для современной России.

9-11 класс:

— Духовная поэзия великого князя Константина Романова.

— Значение церковно-славянского языка для русской истории и культуры (по трудам А.С.Шишкова).

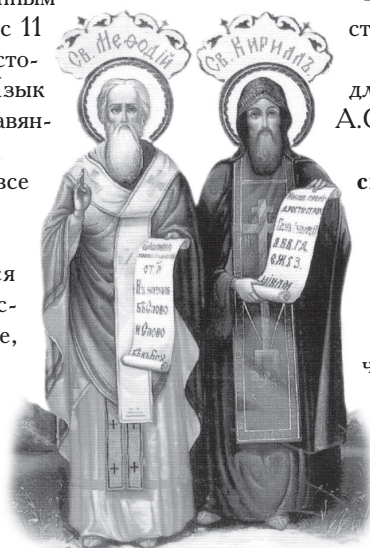
Конкурс самодельных книг о славянской азбуке «Сначала Азъ да Буки, а потом и науки»

Конкурс рисунков «Буквица» (Буквица — красочное, сюжетное изображение начальной буквы текста).

Работы принимаются до 19 мая (включительно) 2014 года по адресу: г. Барнаул, ул. Г. Исакова, 230а, библиотечно-информационный центр (библиотека-филиал №35).

Справки по телефону: 22-61-47.

Подведение итогов и награждение — 24 мая 2014г.

СВЕЧА

С. Есенин

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналя
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914 г.

Ю. Клевер «Оттепель»

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 30.03.14. Выход по графику 26.03.14

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.